

К 200-летию И. С. Тургенева

Марина СОЛОВЬЕВА

ЗАГАДКА ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ: ИВАН ТУРГЕНЕВ И ПОЛИНА ВИАРДО

Неважно, что именно мы называем любовью — вождение или чувство, — источник возникновения этого огня остается загадкой.

Эрик Эммануэль Шмитт. Эликсир любви

Это *твое* мгновение не кончится никогда.

И. С. Тургенев. Стой! (Стихотворения в прозе)

Первая встреча

27 октября 1843 года молодой барин, начинающий литератор, магистр философии и коллежский секретарь Министерства внутренних дел Иван Тургенев отправился в Петербургскую итальянскую оперу послушать новую оперную диву-испанку, приехавшую из Франции, — Полину Гарсиа-Виардо. Говорили, что собой она нехороша, но голос бесподобен! Сравнивали с ее же родной сестрой Марией Малибран, в 28 лет умершей от несчастного случая, несравненной красавицей, оставившей после себя не только память о красивом голосе, но и любовном скандале. Но что позволено красавицам — не прощается дурнушкам. Не оттого ли начинающая певица считалась примерной женой бывшего директора Парижской итальянской оперы, переводчика, литератора, искусствоведа Луи Виардо — человека умного, но унылого, «как ночной колпак» (по ехидному определению писательницы Жорж Санд). Возможно, «унылостью» эпатажная Аврора, она же Жорж Санд, считала прямолинейную моральную правильность, по ее мнению, сестру недалекости. Не эти ли качества спасали Луи от ненужных волнений и догадок? Но Ивана Тургенева все эти театральные

Марина Павловна Соловьева — поэт, прозаик, литературовед. Родилась в Москве. Окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Член Московского Союза литераторов. Работала в Государственном Литературном музее, Государственном музее В. В. Маяковского, на радиостанции «Радио Россия». С 1990-го по 2001 год жила в США и Норвегии. Работала в Стэнфордском университете и Университете им. Дж. Вашингтона (США). Печаталась в журналах: «Наш современник», «Юность», «Молодая гвардия», «Огонек», «Даугава» (Рига), «Вопросы литературы», «Альманах Ъ», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Памятные книжные даты» (Москва), «Новый мир», «Номо Legens», в «Литературной газете». Автор двенадцати книг. В настоящее время живет в Москве.

сплетни мало волновали. Он не только был далек от театральной жизни, но даже никогда не учился музыке, а «ко всем возможным актрисам, певицам, танцовкам чувствовал крайнее отвращение». В тот роковой вечер Иван был озадачен другими проблемами: печальной необходимостью ходить на скучную службу, неопределенностью творческих замыслов и все возрастающих (видимо, с возрастом) деспотических претензий матушки Варвары Петровны, которая хоть и выдавала приличное содержание, но держала на коротком поводке: нужно было постоянно доказывать ей свою сыновнюю любовь: писать письма с каждой оказией, часто приезжать и выслушивать «советы», а по сути, указания по созданию карьеры государственного и семейного мужа. Иван почтительно любил матушку, но и раздражался на нее, страдал от ее барского самодурства непростительным при таком неординарном уме... и боялся. Боязнь эта шла из детских страхов наказания за ей одной ведомые провинности, а с возрастом глубоко спряталась в подсознание. Приедешь к ней, и матушка счастлива, и слуги радуются, а все время чувствуешь себя виноватым. Умела Варвара Петровна настроение портить своим домашним. В последнее время не нравилось ей и увлечение сына бумагомарательством. «Писатель и писец — одно и то же. И тот, и другой за деньги бумагу марают», — не один раз говорила она. А самое непотребное для нее заключалось в том, что какой-нибудь критик из поповичей будет разбирать Ванечкины стихи и, чего доброго, насмехаться над ним, столбовым дворянином, чьи предки служили еще Рюриковичам. Но поэму его «Парашу» маменька похвалила, написав, что «пахнет она земляничкой». Пускай любимый сын порадует, поймет наконец, что нет ближе друга, чем родная мать, да и по умению «марать бумагу» она будет поталантливей его новых дружков-выскочек. Но Варвара Петровна в одном была уверена: вторым Пушкиным Ивану не быть. И эту мысль постоянно сыну внушала. Поэтому Иван Тургенев об этом не раз думал, сомневаясь в себе и все еще пребывая на творческом распутье...

Но вот заиграла увертюра к «Севильскому цирюльнику», сразу грустные думы отступили, вспомнились строки из любимого «Евгения Онегина» про «упоительного Россини», раздвинулся занавес... «Началась картина первого акта. Комната в доме Бартоло. Выходит, Розина: небольшого роста, с довольно крупными чертами лица и большими, глубокими, горячими глазами, — спустя время напишет сам Тургенев. — Пестрый испанский костюм, высокий андалузский гребень торчит на голове немного вкось. „Некрасива!“ — повторил мой сосед сзади. „В самом деле“, — подумал я. Вдруг совершилось что-то необыкновенное! Раздались такие восхитительные бархатные ноты, каких, казалось, никто никогда не слыхивал... По залу мгновенно пробежала электрическая искра... В первую минуту — мертвая тишина, какое-то блаженное оцепенение... но молча прослушать до конца — нет, это было свыше сил! Порывистые „браво! браво!“ прерывали певицу на каждом шагу, заглушали ее... Сдержанность, соблюдение театральных условий были невозможны: никто не владел собою. Восторг уже не мог вместиться в огромной массе людей, жадно ловивших каждый звук, каждое дыхание этой волшебницы.... Да! Это была волшебница! И уста ее были прелестны! Кто сказал „некрасива“? — Нелепость!»

Иван Тургенев ликовал и бесновался вместе со всеми зрителями. «Я не мог дать себе отчета: где я? что со мною делается? Это было какое-то опьянение. Какая-то зараза энтузиазма.... Диапазон ее голоса от сопрано доходил до глубоких ласкающих сердце нот контральто с невероятной легкостью и силой. Обаяние певицы и женщины возрастало кресчендо... Вызовам, казалось, не будет конца...» Тургенев был так потрясен спектаклем, что решил во что бы то ни стало познакомиться с певицей и выразить ей весь свой восторг. Отыскав приятелей, записных театралов, он стал умолять представить его чете Виардо. На другой день знакомство с мужем певицы состоялось. Иван окружил его заботой и лестью. Это-то он умел. Ему хотелось произвести впе-

чатление на неординарную супружескую пару, ослепить их своей галантностью. Узнав, что Виардо охотник, тут же предложил совместную охоту. На другой же день он пишет господину Виардо письмо, дабы француз понял, что такое настоящая русская охота, которую может предложить только настоящий русский барин.

«...Косули будут несомненно, лоси тоже... Хотите приезжайте ко мне в охотничьем снаряжении к половине третьего? Вы бы пообедали у меня, а потом отправились. За нами будут присланы сани. ...И пожалуйста, не стесняйтесь. Если вы не можете или не хотите ехать, так и не делайте этого. Мне нет нужды говорить, что все мы будем очень рады, поохотится вместе с вами...» Подробно описав, что следует с собой брать и сколько все будет стоить (Тургенев договорился об охоте в поместье своего знакомого с его егерями), даже в этом деловом письме Иван счел нужным добавить:

«...Ваша жена... — величайшая, по моему мнению, единственная певица в долнном мире».

Иван своего добился. Луи понравился юный русский аристократ, и он дал согласие не только на совместную охоту, но и на знакомство с супругой. Теперь надо было покорить и ее. Знакомство с Полиной состоялось 1 ноября или 28 октября 1843 года по русскому стилю, а 9 ноября по европейскому календарю Ивану Тургеневу исполнилось 25 лет. По современным меркам — он был юношей, по меркам того времени — взрослым мужчиной. Что он представлял из себя в ту пору? Лучше самого Тургенева об этом не скажешь: «походочка с запинкой, голос с пришепеткой, улыбка, как у ребенка... *мягкость, мягкость, мягкость*». Но мягкость эта была все же обманчива. Мог он и посмеяться, и позлословить. У Тургенева к этому времени были и романы, и увлечения, и разбитые сердца с двух сторон, и укоренившиеся житейские привычки.

Впрочем, чтобы лучше понять душу нашего героя, надо заглянуть в его детскую, а может быть, и еще дальше — в спальню его матушки.

Семейные тайны

Отчего Варвара Петровна была тяжелой матерью и склонной к самодурству помещицей? Отчего сын тяготился ее обществом, а влюбившись в заезжую певицу, тотчас не раздумывая уехал за ней, рискуя остаться без содержания?

Ответ на эти вопросы следует искать в детстве Варвары Лутовиновой. По ее туманным намекам и косвенным свидетельствам, она испытала самое ужасное, что может испытать девочка-подросток: ее чуть не изнасиловал (а скорее всего, это и случилось) отчим. Поэтому ночью Варя в чем была и сбежала к своим дядям и осталась у них до замужества. Почему дяди не только безоговорочно приняли беглянку, да еще оставили ей все свое состояние, почему ее не вернули обратно? Скорее всего, решили по-семейному шума не поднимать, но отныне Варвара жила не дома. Когда она уже была взрослой, то с маленькой дочерью посетила пустой отчий дом. На вопрос: что там за заколоченными дверями в спальне покои, с содроганием ответила: «Это проклятые комнаты, не пойдем туда» — и быстро покинула дом. Наверное, все-таки самое страшное с ней именно там и случилось. У психологов считается, что человек, перенесший насилие, потом становится сам жестоким, если обладает сильным характером, или всегда будет жертвой, если характер у него мягкий и слабый. Варвара Петровна была сильным человеком. И часто сама прибегала к насилию: физическому и моральному. Например, она жестоко порола своих сыновей. Дело кончилось тем, что маленький Иван решил ночью сбежать из дома, но его спасло вмешательство учителя. Детей на время забрали родители мужа, и какое-то время они жили у бабушки и дедушки Тургеневых. Но Варвара Петровна не была садисткой, она по-своему лю-

била своих сыновей, просто не могла бороться со вспышками ярости. И в замужестве она оказалась несчастна, да и иначе быть не могло. Отец будущего писателя Сергей Петрович Тургенев был в юности кавалергардом — а в кавалергарды отбирали высоких красавцев блондинов с голубыми глазами. Его однажды назвали самым красивым мужчиной в столице, уступающему по красоте только Александру Первому.

Семья его была родовитая и небедная, но сестры нуждались в хорошем приданом, а сыновья могла поправить свои дела, женившись (при такой-красоте-то) на богатых невестах. Что Сергей Петрович и сделал. Но жизнь как-то сразу не заладилась. Варвара оказалась болезненно ревнивой и, по ее же словам, «скучала о муже, когда он только выходил в другую комнату». Она была одной из самых богатых невест не только в своей губернии, но и в России. Возможно, это ощущение вседозволенности уже пустило ростки в ее сердце, и она считала, что за ее богатство можно и притвориться любящим супругом. Но Сергей Петрович имел свои привычки — его слабостью, на беду жены, были женщины. С женой он вел себя подчеркнуто вежливо, а она срывала свою горечь на детях и крепостных. Нездоровая атмосфера в семье не могла не сказаться на сыновьях. Злясь на мать, они все равно искали в женщинах ее черты: независимость, строгость, практический ум и сумасбродство. Их семейная жизнь не стала для Ивана образцом идеального состояния и союза двух людей. Хотя мама Варвара Петровна больше всех сыновей любила «Ваничку». Коля был хороший мальчик, но обыкновенный, Сережа страдал эпилепсией (она, как все люди авторитарного склада, брезговала инвалидами и всяким «уродством», сыном вообще не занималась, и он рано умер), а вот Ваня был красавец, умница, ласковый и послушный ребенок. Матушка русский язык не уважала, зато французский знала блестяще. По-русски она тоже писала, хотя с ошибками, но стиль у нее был отменный. И еще она всегда поддерживала желание детей совершенствовать свое образование. Захотел «Ваничка» учить древнегреческий — пожалуйста, тут же выписывается учитель; захотел изучать философию в Германии после Московского и Петербургского университетов — пожалуйста — езжай учись. Даже отрывает от себя ему в сопровождение своего незамышленного секретаря, лекаря-самоучку, и, чего «Ваничке» знать было не обязательно, его единокровного брата Порфирия (сколько еще этих «братцев» живет по деревням из-за распущенности ее покойного мужа, Варвара Петровна знать не хотела, но Порфирий был особенный: такой же высоченный богатырь, как и Иван, и так же склонный к учению, но при этом почтительный ее слуга, обладающий каким-то особенным даром успокаивать ей нервы). Однако от учебы толку, по мнению Варвары Петровны, не получилось. В Германии Иван вел себя как заправский немецкий студент: проказничал, дрался на дуэлях, волочился за сомнительными девицами и вдовушками, а Порфирия из почтительного слуги сделал своим развязным конфидентом, да еще чуть не женил на немецкой барышне. Правда, оба значительно преуспели в немецком (Ивану языки вообще хорошо давались), а Порфирий выучился на доктора. Но Ивану новые знания не помогли. Кафедру философии, на которую Ивана обещали взять профессором, по Высочайшему распоряжению не открыли из-за соображений политической вредности сей науки для русских неокрепших юнцов.

Кем он был к 25 годам? Маменькиным сыном, богатым наследником, юношей со странностями (все от неуверенности в себе). Его мать была очень богатой женщиной — 5000 душ крепостных, несколько деревень. К тому же она обладала умением управлять хозяйством и «держат все под контролем». Но при всем своем властном характере она одна из немногих помещиц платила своим крепостным слугам жалованье и следила за тем, чтобы все были сыты и прилично одеты. Ее сыновья, выросшие в атмосфере обожания и подчинения, не испытывали сексуального голода современных подростков.

Всегда находилась девка или молодка, идущая навстречу желанию молодого барича. Тот же Порфирий любил на старости лет обменяться с бариним колкостями по поводу их юношеских пристрастий к женскому полу. Познал Иван и глубокое разочарование в любви романтической. И этот удар был такой силы, что не только отразился в его книгах, но и установил некий психологический барьер в отношениях с «юными девушками». Он влюбился в княжну Екатерину Шаховскую, девушку возвышенной души, поэтессу. Семья князя Шаховского жила возле Нескучного сада, но все говорила о том, что от былого величия и богатства ничего не осталось. Летом 1833 года семья Тургеневых сняла дачу напротив их дома: Иван готовился к поступлению в Московский университет. Екатерина была старше Ивана на три года и к его любви относилась снисходительно. Тургенев матушку побаивался, а отца обожал. И узнав о связи княжны и Сергея Петровича, Иван был раздавлен. Роман отца на этот раз разрушил все в семье Тургеневых: Екатерина забеременела и пыталась даже объясниться с Варварой Петровной, та в ярости уехала за границу, а Сергей Петрович, запутавшись в этих отношениях, неожиданно умер от «каменной болезни», то есть от острого приступа панкреатита (говоря современным языком), который всегда у людей нервных провоцируется глубоким стрессом. Варвара Петровна то ли в отместку мужу, то ли устав от постоянного чувства ненужности мужчине, которого влекло ко всем, кроме нее, сама завела роман и не приехала на похороны Сергея Петровича. А в семье Тургеневых появилась девочка Варя, маленькая Биби, которая официально считалась воспитанницей новоиспеченной вдовы. Отцом девочки был молодой врач Андрей Берс, поселившийся в поместье именно как врач и даже получавший жалованье. Его положение в доме было двусмысленным и странным. Вскорости, он уехал и счастливо женился. Его законная дочь Софья стала женой графа Льва Толстого. Спустя много лет писатели со смехом вычисляли степень своего родства. Но в тот момент наивысшего накала этой дворянской «Санта-Барбары» что чувствовал юный Иван? Какие бури бушевали в его душе? Предательство на предательстве — и вот неожиданная смерть отца, постыдная слабость людей, казавшихся святыми, лицемерие «невинной» девушки, его первой любви... Какой удар для юного чувствительного сердца! Свою «Повесть о первой любви» Тургенев напишет, уже став известным писателем. Видно, долго затягивалась эта рана в его сердце. Но на всю жизнь у Тургенева осталось стойкое неприятие к ухаживанию за девушкой-невестой и ко всем этим атрибутам романтических встреч, ведущих к свадьбе. Сколько раз у него возникали ситуации, при которых мог бы состояться счастливый роман. Но каждый раз что-то мешало ему сделать последний шаг, сказать главные слова, после которых мужчина становится женихом, а затем и мужем. Но все же писатель и поэт Иван Тургенев остался романтиком, он мечтал о любви, и ему, как и его отцу, всегда нравились женщины, но женщины особенные: яркие, умные, недоступные...

Роковая Полина

Кем же была певица Полине Виардо в момент их встречи? Тогда ей было всего 23 года, но она уже была матерью двухлетней дочери Луизы и женой 43-летнего солидного человека, чью кандидатуру как жениха одобрила сама Жорж Санд. Сплетники поговаривали, что старшая подруга не хотела видеть Полину женой своего бывшего любовника Альфреда де Мюссе, потому что всегда была собственницей. Но Полина ей доверяла беспредельно. Альфред — человек, не созданный для семейной жизни, а вот господин Виардо... Жорж Санд, правда, не могла удержаться и написала в сво-

ем дневнике: «Семейная жизнь Полины будет без грез и романтики...» Но романтики в жизни Полины оказалось предостаточно!

Почтительная верность мужу по мере его старения сменится чередой возлюбленных, но все же для многих она войдет в историю не как блестящая певица и композитор, а как подруга великого русского писателя, вдохновлявшая его более 40 лет. Тургенев написал в одной из повестей: «Но видно, ни судьбы своей переменить нельзя, ни самого себя никто не знает, да и будущее предвидеть невозможно. По-настоящему в жизни случается одно только неожиданное, и мы целый век только и делаем, что приноравливаемся к событиям»

Вопреки мнению Жорж Санд, многие считали господина Виардо очень умным господином. «Это для нас, русских monsieur Виардо только муж Полины Виардо, а для французов madame Виардо только жена Луи Виардо. Это очень образованный и очень сведущий в литературе и искусстве человек. Интересовался он и политикой и смыслил в ней много», — считал Герман Лопатин, кстати, один из прототипов Базарова из тургеневских «Отцов и детей»

Образованность и самодостаточность Луи Виардо и сыграли роль в выборе юной Полины. Он отлично разбирался в тонкостях светского поведения и многому мог ее научить. Правда, судя по письмам к Тургеневу, все-таки Луи был действительно человеком ограниченным. Права был Жорж Санд. Прочитав повесть «Первая любовь», Виардо возмутился неделикатностью автора, посмеявшегося так откровенно описать своего отца. Повесть посчитал неприличной, героиню распущенной, а сюжет надуманным. Да, наверное, он вообще не поверил, что такое может случиться в культурной семье. А если и случилось, то об этом надо молчать. А не в романах описывать. Судя по всему, хоть и был он переводчиком и знатоком литературы, но отличить «факт литературы» от «факта биографии» ему было не по силам. Так что Полине было просто с ним: сплетен он не слушал, ревностью не страдал и намеков никаких ни в жизни, ни в литературе не понимал. Главное, соблюдать внешние приличия — а Полина их умела соблюдать. Она была женщиной очень светской, по-европейски доброжелательной. И это отмечали все, кого она у себя принимала. Она была в меру открытой и в то же время очень скрытной, простой и загадочной одновременно.

В первые дни знакомства с Тургеневым стройная молодая женщина с огромными глазами, большим ртом и пухлыми губами (мода на такие придет только в наше время, а тогда это считалось некрасивым и даже уродливым) снисходительно смотрела на смущенного русского богатыря, которого ей представили как плохого поэта, но хорошего охотника. Но когда он заговорил, она оценила его прекрасный, хотя немного старомодный французский язык. Это был литературный язык XVIII века, на котором говорили аристократы-эмигранты, сбежавшие из Франции в Россию после революции и осевшие в дворянских семьях учителями и гувернерами. Этим великолепным произношением Тургенева потом будут восхищаться его новые друзья — цвет французской литературы: Флобер, Золя, Доде, братья Гонкуры. Хотя Иван и любил музыку, но сам музыке не учился, за что пенял иногда матушке. Готовясь ко встрече с Полиной, Иван рьяно бросился изучать тонкости оперного вокального искусства. Им овладело желание быть ей не только интересным, но и полезным — ведь только так можно завоевать любую женщину: говорить о том, что ей интересно. Чем еще он мог заинтересовать Полину? Хотя достоинств у него было много. Вот что писал о нем после знакомства Достоевский: «Я... едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, двадцать пять лет — я не знаю, в чем природа отказала ему...» Однако Иван был далеко не так прекрасен в молодые годы. Зачем-то написал злую эпиграмму на очарованного им Достоевского, который и так всех дичился. Сравнил его с прыщом на лице литературы. Каких только глупостей не сделаешь

в молодости! Достоевский позже отомстил Тургеневу, описав его под именем Кармазинова в «Бесах». Разумеется, в этом карикатурном персонаже все узнали Тургенева, но скорее по фактам биографии, чем по реальному описанию. Писатели на то и писатели, что мстят своим коллегам исключительно эпиграммами и романами.

Друг Тургенева Павел Анненков замечал, что «разговор его был чрезвычайно привлекателен... Всегда оживленная, мягкая речь его была разнообразна и занимательна. В женском обществе к этому присоединялись и не совсем приятные черты: он позировал».

Иногда даже слишком этим увлекался. Например, испугал Наталию, юную жену Александра Герцена, изображая сумасшедшего. Она и на самом деле начала сомневаться в его вменяемости. Постепенно Иван избавился от своей юношеской эксцентричности. И научился все свои «странные» мысли прятать в речь своих литературных персонажей.

Внешность у Тургенева была замечательная: рост 192 см, красивое породистое лицо, роскошные темно-русые волосы, за которыми он всегда тщательно ухаживал. И хотя волосы и сменившая усы борода рано поседели, но красота осталась навсегда, восхищая и юных, и опытных дам до самой смерти писателя. Единственное, что было странным, — это тонкий голос, совершенно не сочетавшийся с его крупной фигурой и пышной гривой волос.

Итак, в первые годы знакомства для Полины Виардо Тургенев всего лишь один из многих поклонников, среди которых были и богачи, и аристократы, и красавцы... Ах, если бы он был известный поэт! Например, как Альфред де Мюссе... Вот такой поклонник делает честь любой женщине. А вовсе не избалованный барчук, наследник своей матери и, даже стыдно сказать своим богемным друзьям, рабовладелице...

Сама же Полина была одержима работой. Родившись в семье известного певца, испанца с примесью цыганской крови Мануэля дель Пополо-Винсента-Родригеса-Гарсия и певицы и либреттистки Хоакины Сичес, она с детства училась музыке и вокалу. Отец Полины, человек талантливый и властный, не отказывался ни от одного ангажемента. Хлеб артиста труден: чтобы заработать хорошие гонорары для содержания большой семьи, отец предпринял поездку в Америку. Но даже на пароходе заставлял старшую дочь Марию работать над сложными нотами. Его вспыльчивость и педагогическое нетерпение не знали границ: и вот на один из уроков к нему явился капитан корабля и сурово приказал прекратить издеваться над ученицей (поступила жалоба от пассажиров на грубые крики учителя), иначе господина Гарсия высадят в ближайшем порту... Но самое страшное воспоминание детства Полины — это не строгость отца. Полина сама была на него похожа своим не знающим границ трудолюбием и упорством. Самое страшное, что с ней случилось и навсегда осталось в памяти, — это когда разбойники, напав на них, перед самым возвращением на родину, отняли все заработанные в заграничном турне деньги. Умом вся семья понимала, то эта потеря не самая большая плата за сохраненную жизнь, и кое-как с ней смирилась. Но свое чувство ужаса и бессилия Полине забыть было невозможно. С этой поры ее всегда пугали авантюры под девизом «Все или ничего». Она рано поняла, что риск чаще всего не оправдывает средства, и, несмотря на врожденный испанский темперамент, всегда выбирала разумный расчет ума, а не страстное веление сердца.

По удивительному совпадению русский след появился в ее жизни с рождения. Ее крестной стала Прасковья Голицына (в девичестве Шувалова) — поэтесса и переводчица. Ее богатство и высокое положение при русском дворе давало ей возможность не только покровительствовать бедным артистам, но и на ее странные увлечения смотрели сквозь пальцы: например, Голицына приняла католичество и из Прасковьи стала Полиной. Впрочем, так на французский манер звали всех Прасковей и не только дво-

рянских дочек. Помните, мама Татьяны Лариной под пером Александра Пушкина, кстати, друга этой феи-крестной, «звала Полиною Прасковью». И малютку Гарсиа нарекли Полиной в честь такой высокой покровительницы. Потому к русским и России у Полины было теплое отношение. В отличие от необразованных европейских обывателей, она знала, что медведи там по городам не ходят, а уж петербургский высший свет по своей чопорности не уступает английскому. И если твой талант признали в России, то двери любых театров для тебя будут открыты. А русские поклонники, может, и похожи на медведей, как этот юноша Тургенев, но они богаты, щедры и ведут себя очень по-джентльменски. Правда, не на всех дам это распространяется. На одном балу, куда ее пригласили, все почему-то держались от нее отстраненно и никто не решался пригласить танцевать. Но если бы там был Иван — он бы точно ее пригласил. Уже во время первой встречи его глаза сияли этим огнем тайной страсти, словно он сам герой одной из опер.

О чем они говорили при первой встрече? Скорее всего, это был обмен любезностями. Но Иван страстно в нее влюбился, и с ним случилось самое прекрасное, что может случиться с каждым писателем, — он нашел источник вдохновения.

Его первая вспышка любви носила характер восторженного почитания и постоянного восхищения. Кто-то из его друзей высказывался, что не всякий способен на такую любовь, а Белинский со свойственной ему прямолинейностью называл любовь Тургенева «трескучей». Сам же Тургенев всегда говорил, что настоящая любовь — это не эгоизм, а фанатичная преданность интересам другого человека. Он на самом деле фанатично погрузился в мир интересов Виардо: музыку, оперное исполнение, закулисные интриги. Но за что все мы должны быть благодарны этой любви — она заставила молодого поэта трудиться над прозой, добиваться литературного признания.

Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне...

Любовь Тургенева питал и голос Полины Виардо. Не случайно его чарующие звуки восхищали современников, но для людей, особо чувствительных к звуку, восприятие певческого голоса приносит наслаждение равное сексуальному. А кто сравнится с Тургеневым чуткостью к красоте слова и умением так изысканно воспроизвести его на бумаге? Его отточенный музыкальный слух улавливал любое колебание природы. И, конечно же, звуки голоса возлюбленной стали для него источником блаженства, а говоря современным языком — эндорфином — гормоном радости.

Погоня за счастьем

Пока Полина гастролирует по России, на страницах журналов и альманахов один за одним выходят рассказы, стихи и статьи Тургенева. Ради свободного творчества и постоянного нахождения вблизи предмета обожания Тургенев увольняется со службы. Происходит неприятный разговор с Варварой Петровной, который заканчивается скандалом и снижением денежного содержания. Варвара Петровна уже наслышана об увлечении сына «цыганкой». Что ж, среди мужчин ее круга это обычное дело! В России к актрисам отношение весьма двусмысленное. Но чтобы ради этого государственную службу бросать! А посему: швыряться деньгами Иван больше не будет, денег едва будет хватать на хлеб. Конечно, матушке пришлось признать, что «хорошо

проклятая цыганка поет». Но пенем сыт не будешь, поймет, что с Ивана взять нечего, и от него сама отстанет.

Но случилось все наоборот. Восхищенные, интересные и остроумные наблюдения Ивана Полине приятно и познавательно было слушать. Красивый юноша доказал свою преданность и бескорыстие. А чудесные, умные письма Ивана сделали свое дело — заинтересовали Полину. Иван начал учить испанский. Потом и Полина попросит заниматься с ней русским языком. Идеальный музыкальный слух помогает Полине запомнить произношение трудных русских слов. Это делать легче всего, когда они поются. Романс Алябьева «Соловей» в ее исполнении производит фурор. Что касается физической близости... Нам остается только догадываться об интимной стороне жизни этой пары. Во времена Тургенева слово «интимный» означало не физическую близость, а всего лишь особую доверительность духовных отношений. Идеальная любовь была возможна, потому что ее не смешивали с близостью сексуальной. Для физической близости к услугам молодых обеспеченных людей были крепостные девушки и дамы полусвета. Привыкнув к такому разделению отношений, люди, вступившие в брак, не всегда были счастливы. Исполнение супружеских обязанностей для многих было чем-то оскорбительным по отношению к порядочной девушке, ставшей женой. К тому же рождение детей в те времена было не безопасным — смерть от родов была частым явлением. Но подобные трепетные взгляды на близость некоторые благородные женщины могли использовать для манипуляции мужчиной. Хотя пока Тургенев был лишен матушкиного содержания и был глубоко предан своему ангелу Полине, манипулировать им было незачем. А в Петербурге тем временем с удовольствием распускали сплетни о непомерной жадности мадам Виардо. Авдотья Панаева, женщина красивая и талантливая, отчасти русская Жорж Санд, и сама была не без греха, умудрившись при живом муже жить в гражданском браке с поэтом Некрасовым, тактично умалчивала сплетни о любовном союзе Тургенева и Виардо. Но зато с удовольствием рассказала в своих воспоминаниях, как Виардо без обиняков запросила 500 рублей за концерт в доме русского вельможи. Были там и другие приглашенные артисты, которые по скромности о цене не спросили, а приняли само приглашение как подарок. И вот Виардо после ее исполнения вынесли конверт с деньгами и холодно попрощались. А остальных артистов пригласили на роскошный обед и вручили подарки ценой за 1000 рублей. С современной точки зрения, Виардо была права: труд артиста должен быть оплачен. Но и в то время в русском обществе жили «по понятиям». Прямо говорить о деньгах считалось моветоном, а принимать подачки от вельмож — почетом.

Тургенев сплетен не слушает, в жадность Полины не верит, но свое отсутствие денег удастся скрывать все труднее. Он прибегает к хитростям: слушает Полину на галерке, а в антракте спускается в фойе партера, важно сообщая, что рассаживал клакеров. Приглашает на обед друзей, а сам исчезает, надеясь, что это спишут на поэтическую рассеянность. У него такой вальяжный барский вид, что никому не приходит в голову, что у него нет денег не только на дружеский обед, но и на кусок хлеба и стакан чая. И все равно — он едет за ней в Париж. Это любовь! Ивану нужно быть независимым от богатой матери, он должен стать известным писателем и жить на честно заработанные деньги! Но Тургенев еще сомневается: прилично ли ему, дворянину, брать деньги за писательство? И он начинает рассказывать небывлицы, что денег за рукописи не берет, а дарит издателям. К счастью, Некрасов, открывший потом Тургеневу безлимитный кредит в «Современнике», объяснил ему, что авторские гонорары — одни из самых приличных и почетных заработков.

Полина (почему? По доброте, или расчету, или, может быть, уже по любви?) решила помочь Тургеневу стать настоящим литератором — и предложила поселиться в их

доме, чтобы там в одиночестве он смог написать новые произведения. О чем? Ну, вы же прекрасный охотник — вот и пишите об охоте! «Воспользуйтесь благодатным дуновением, которое вам посылает Аполлон. У вас появился вкус к работе. Это лучшее, чем стоит заниматься в любой стране, в любом положении, особенно в вашем — положении богатого сынка — и особенно в Париже, где, по общему мнению, работать надо не покладая рук и т. д. и т. д. Трудитесь на поприще искусства, вы в этом никогда не расклетаетесь и всегда останетесь молодым и открытым для всех радостей жизни и стойким ко всяким невзгодам. Я тоже тружусь, и, признаюсь, это является моим единственным развлечением, единственной радостью. Если это не цель моей жизни, то, по крайней мере, способ существования. Пишите, Прощайте. Полина Виардо». Рассказывая Афанасию Футу, грубоватому кавалерийскому офицеру и тончайшему лирическому поэту, о первых своих шагах в литературе, Тургенев признавался в том, что загородный дом, вернее, замок Виардо Куртавнель стал «колыбелью моей литературной известности. Здесь, не имея средств жить в Париже, я, с разрешения любезных хозяев, провел зиму в одиночестве, питаюсь супом из „полукурицы с яичницей“, приготавливаемых мне старухой ключницей. Здесь, желая добыть денег, я написал большую часть своих „Записок охотника“...»

Помощь молодому литератору была для Полины делом естественным, к тому же он так трогательно влюблен в нее и нравится всем ее родным. Он — верный настоящий друг. А друзьями не разбрасываются.

Часть «Записок» Тургенев напишет и в отцовском имении, которое с трудом отвоевал его брат Николай у матери. Пока жива была матушка, Ивану в России жить было негде: у брата своя семья, находится с матерью под одной крышей невыносимо. Особенно Ивана мучило ее самодурство по отношению к крестьянам и дворовым. Чтобы заступиться за кого-то, приходилось продумывать целую стратегию, начинать разговор издалека и каждый раз наталкиваться на полное непонимание. Да что им надо — я всем своим слугам жалованье плачу, все сыты, одеты, обуты, а что жениться и замуж не разрешаю, так я и сама не замужем, я не могу всю дворню осчастливить... Вот ее обычные отговорки на слова сына о чувстве достоинства, свободе и праве выбора человека. Впрочем, все эти рассуждения могли понять только близкие Тургеневу по духу люди: Бакунин, Белинский, Анненков, Герцен. Понимали его и в семье Виардо. Прежде чем стать любовниками, Тургенев и Виардо стали друзьями. Не это ли было главным залогом их долгих отношений?

Было или не было?

Когда они стали любовниками? Некоторые экзальтированные дамы, описывающие их роман в художественном ключе, предполагали исключительно платонические отношения. Биографы мужчины строили свои версии: возможно — да, но не сразу или да, но как любовник Тургенев не мог насытить южную страсть Полины, и она в промежутках между встречами находила утешение в объятиях других. Имеет ли это какое-то значение в понимании литературной миссии писателя? Скорее всего, эта загадка «вечной любви» заставляет нас искать ответ в его книгах, расширяющих познание бездны души великих людей, давая отблеск и на нашу жизнь, жизнь современного читателя. Попробуем разгадать эту тайну. Но часть их переписки бесследно исчезла. Что-то уничтожила сама Полина (возможно, самое откровенное). Часть писем украл домашний врач — последнее увлечение стареющей Виардо (зачем они ему были нужны? Не от ревности же и не для шантажа... Или понял, что их можно выгодно продать,

да и растерял, дожидаясь удачного момента?). Остались вежливые, полные подробных описаний письма, подписанные не только Полиной, но и ее супругом. Однако по некоторым намекам между строк можно делать предположения... В одном из писем, находясь в Лондоне, Полина с удивительной дотошностью описывает три гравюры, висящие в их временном жилье. «Одна изображает прекрасного юношу, лежащего на скамье, играющего с собакой и как будто не обращающего ни малейшего внимания на бедную девушку, прислонившуюся к стене, которая стоит, опустив руки, и кажется полностью поглощенной немым созерцанием бездушного красавца. Бедняжка, представляю, как сильно она должна страдать! На другой гравюре изображен молодой человек в тюрьме, несомненно осужденный. Поскольку он сидит, обхватив голову руками и отвернувшись от молодой девицы, возможно, его возлюбленной, которая пришла утешить отверженного обществом, но любимого ею человека, смерть которого убьет его. Во всем этом у женщин хорошие роли. Третья гравюра незначительна. Юная парочка у колодца. Молодой человек, похоже, делает честное предложение, которое глупышка с сожалением отвергает, только почему она его отвергает? Он выглядит гораздо умнее и лучше ее». Какие фантазии! И зачем нужно так подробно описывать посредственные гравюры в маленьком отеле?

Но возможно, в них заложены ответы на вопросы, которые волнуют Тургенева. Молодой человек с собакой — не Тургенев ли это, который за границу всегда брал свою охотничью собаку Дианку и других собак. Полина любила собак и ласкала их, о чем всегда вспоминал Иван, с особой нежностью прикасаясь к верному другу его охотничьей страсти. Возможно, в какой-то момент молодому человеку не хватило смелости — ведь он так был увлечен охотой с ее мужем...

Вторая гравюра. На родине Тургенева постоянно какие-то неприятности: то его ругают в журнале, то вовсе обвиняют в нелояльности к правительству... А ее героическая натура всегда будет поддерживать его и, конечно же, не переживет его смерти — он дорог ей! Пускай она не приехала к нему, когда он был в ссылке в Спасском — это могло бы кончиться скандалом. Но мысленно она всегда с ним.

На третьей гравюре молодой человек делает «честное предложение» — то есть предложение руки и сердца. А что может предложить романтик и благородный рыцарь Тургенев? Не пошлую интрижку, не адюльтер... Она предложения не принимает... И это понятно. Она оперная певица — кому она будет петь в Спасском, став его женой? Курам, медведям? Да, «он умнее и лучше ее»... она его любит, хотя и не может принять предложение... Продолжения объяснения нет... Но любовь есть, и она может длиться долго-долго, но по правилам самой Полины... Это красиво. Ничего не обещая и обещая все, Полина Виардо раскрывает свои карты — тем самым больше привязывает к себя поклонника.

Вот и матушка умерла, Иван становится наследником богатого имения. А их отношения стали еще более доверительными и, возможно, близкими в том самом человеческом смысле. Может быть, в этом и был ее расчет? Но все же, мне кажется, их близость наступила раньше, еще до обретенного Тургеньевым богатства.

За три года до смерти матери Тургенев поселился с приятелями в немецком городе Зальцбрунне, а это были его самые в то время близкие по духу люди: Виссарион Белинский и Павел Анненков. Приятели предвкушали провести вместе июнь 1847 года, наполненный умными беседами и дружескими застольями. К тому же Белинский проходил курс лечения. А Тургенев дописывал свои «Записки охотника». Анненков был просто счастлив их дружбой и помогал в обустройстве быта. Виардо пела в Берлине, но они уже повидались и распрощались с ней. Однажды утром Тургенев сказал, что ему надо на пару дней уехать по делам: попрощаться с друзьями, отъезжающими в Ан-

глию. Он взял с собой одну смену белья и какую-то парфюмерную мелочь. Уехал... и пропал. Он не вернулся ни через два дня, ни через месяц. Ни писем, ни записок от него не поступило. Белинский всерьез решил, что он заболел или умер. Оставленный чемодан с вещами сиротливо стоял в углу и начинал выглядеть как-то зловеще. Съезжая, чемодан Анненков все же взял и повез его в Париж. Была уже осень. Там он и встретил Тургенева. Страх не подтвердился, а негодование к тому времени притупилось. На вопрос друга Иван только пожал плечами. Ответа так никто и не дождался. Но может быть, мы найдем его в романах уже зрелого писателя?

«— Куда же ты едешь? — спрашивала она его. — В Париж — или во Франкфурт? — Я еду туда, где будешь ты, — и буду с тобой, пока ты меня не прогонишь, — отвечал он с отчаянием и припал к рукам своей властительницы... Она медленно перебирала и крутила эти безответные волосы... на губах змеилось, торжество — а глаза... выражали одну безжалостную тупость и сытость победы. У ястреба, который когтит пойманную птицу, такие бывают глаза» («Вешние воды»).

А может быть, это произошло так:

«Он обернулся; у двери, закутанная в черную мантилью, стояла женщина...

Она подняла голову и упала к нему на грудь.

Два часа спустя он сидел у себя на диване... на следующее утро он получил от нее ответ. „Днем позже, днем раньше, — писала она, — это было неизбежно. А я повторю тебе, что вчера сказала: жизнь моя в твоих руках, делай со мной что хочешь. Я не хочу стеснять твою свободу, но знай, что если нужно, я все брошу и пойду за тобой на край земли...“» («Дым»).

При всей бурной писательской фантазии все же подобные сцены автор должен пережить. И ничто так не удерживает мужчину, как слова возлюбленной: «Я не хочу стеснять твоей свободы»!

Даже если обещание «все бросить» она не сдерживает.

Такие исчезновения были у Тургенева не редкость. Он исчезал, как только появлялось что-то похожее на серьезное увлечение — его троюродная сестра Ольга Тургенева, сестра Льва Толстого — Мария... Эти чудесные достойные женщины вдруг оказывались в странном положении: человек, который был так добр, так близок, так доверителен, что казалось — еще немного, и слова о любви и браке сорвутся у него с уст, вдруг исчезал и оказывался рядом с той, что будто бы и не была уже ему такой близкой, но она позвала... и он мчался по ее первому зову. «Я подчинен воле этой женщины. Нет! Она заслонила от меня все остальное, так мне и надо. Я только тогда блаженствую, когда женщина каблуком наступит мне на шею и вдавит мне лицо носом в грязь...» Было ли это признание Фету поэтической гиперболой, или на самом деле деспотический нрав его матери сформировал его психику так, что настоящий восторг любви он мог испытывать только с любовницей-госпожой? А впрочем — какое это имеет значение? Он любил — и эта любовь давала ему вдохновение. И не только... Однажды летом 1850 года ему пришлось попросить любимую женщину об одолжении... необычном одолжении.

Две Полины

«Уже шесть дней, как я в Москве... однако я не переставал о вас думать и не проходит ночи, чтобы вы мне не приснились... И чтобы начать с чего-то необычайного и неожиданного, скажу вам, что я нашел здесь — догадайтесь что? — мою дочку 8-ми лет, разительно на меня похожую. Не могу описать вам ощущение, которое вызвал во мне ее вид — представьте себе, что я даже не припоминаю черт лица ее матери — гово-

рю это, нисколько не преувеличивая... Глядя на это бедное маленькое создание (я попросил слугу моей матери привести ее на бульвар, где встретился с ней как бы невзначай), я почувствовал свои обязанности по отношению к ней — и я их выполняю — она никогда не узнает нищеты — я устрою ее жизнь как можно лучше... Это сходство... Отчего это сходство? Какая насмешка! Глядя на нее, я словно видел себя в детстве... Во всем этом есть что-то невольно пугающее меня. Право, это нечто вроде преступления... и так оно и есть. При рождении (в мае 42-го) ей дали русское имя... Пелагея, которое обычно переводится как Полина. Она кажется очень смышленная... Скажите, что вы обо всем этом думаете и что я должен сделать?.. Мне хотелось бы, чтобы вы дали мне совет — я буду счастлив ему последовать... Ее мать. В сущности, не падшая женщина — это портниха, которая зарабатывает на жизнь работой. Но у нее есть любовники, и Бог знает какие! Я ни в коем случае не хочу оставлять ее у матери, которая только и мечтает от нее отделаться... Итак, не правда ли, я могу рассчитывать на добрый совет, которому слепо последую... Я верю, что полюблю эту бедную девочку, хотя бы уже потому, что, как мне кажется, вы ею заинтересуетесь...»

Под словом «совет» Тургенев явно подразумевал другое — помощь, но ставить в неловкое положение семью близких людей он не смел. Просьба дать совет, даже самый странный, не так ставит в неловкое положение, как просьба в реальной помощи. Но Полина поступила так, как он и надеялся: она предложила привести девочку к ним в семью и воспитывать ее, ну разумеется, при определенном денежном содержании. Эта история почему-то всегда вызывала кривотолки у друзей писателя и даже у его биографов. Виардо приписывали дальновидный расчет, смаковали незаладившиеся отношения маленькой Полины и ее тетки и пеняли самому Тургеневу, что дочь русского писателя забыла русский язык. С высоты сегодняшнего дня, подводя итоги человеческим слабостям, вспомним, кто из великих и невеликих признавал своих незаконнорожденных детей и всю жизнь им помогал? Кто из женщин соглашался взять в семью незаконного ребенка своего любовника? Мы «тьму примеров» знаем, что и детей от прошлых браков мужа многие жены старались сбавить подальше. Полина забыла русский язык? Эка беда — она училась в пансионе, и ей надо было быстрее выучить французский, чтобы хорошо учиться. А было бы лучше, если бы она говорила на чистом русском и жила в нищете, подвергаясь насилию пьяных любовников своей матери или издевательствам капризной бабушки, которая так испортила свою собственную дочь Биби, что спустя годы Тургенев не узнал в хитрой интриганке смешную девчужку, которой он в детстве рассказывал сказки? Что же до отношений двух Полин, то ни одна девочка-подросток не любит свою мачеху или женщину, которую любит ее отец, — так было во все времена и, к сожалению, так есть и сейчас... Маленькой Полине было непросто и в новой семье, и в пансионе, где она училась. И дело даже не в том, что она сначала не знала язык и не привыкла к другой жизни. Характер у нее тоже был непростой. Ведь по бабушке она тоже была Лутовинова. И Ивану Сергеевичу было трудно находить с дочерью общий язык. Как сам он с горечью признавался, Полина не любила ни собак, ни оперы, ни охоты, ни музыки, ни книг. Но все равно Тургенев любил дочь или хотел полюбить ее. Кстати, именно из-за дочери, поругался он со Львом Толстым, да так, что чуть не подрался с ним на дуэли. А помирился только незадолго до смерти. Тургенев желая показать, как хорошо он воспитывает дочь, рассказал, что девочка учится помогать бедным, например, чинит специально принесенную ей гувернанткой одежду, а потом отдает в приюты и в семьи. Толстой, уже взявший за правило всем говорить правду в лицо, тут же ответил, что это чушь и притворство. Как говорится, слово за слово — и вот уже Тургенев кричит: «Немедленно замолчите, я вас оскорблением заставляю молчать!» Потом все успокоились, но Толстой уехал, и наступило взаимное охлаждение на долгие годы.

Ссора глупая, но что за ней стояло? Тургенев всегда болезненно переживал из-за чьих-то сомнений в своей порядочности. Он хотел думать, что он хороший отец, а друзья замечали какие-то погрешности. Вот и Фет заметил, что хорошо бы девочку записать под фамилией отца. Однако удочерение в России — дело хлопотное, и Тургенев сам решил вопрос: он просто предложил дочери подписываться его фамилией. А может, скандал спровоцировал другой случай? Сестра Толстого Мария, несчастная в браке, очень тесно общалась с Тургеневым во время его очередного пребывания на родине. Они увлеклись друг другом, это было взаимное влечение душ, но всего лишь поцелованный Тургеневым обороненный платок Марии Николаевны стал доказательством этой несостоявшейся страсти. Часто разговаривая с дамами, Тургенев намекал, что кого-то не слишком любит, чтобы жениться, но слишком уважает, чтобы предложить стать любовниками. Да, он был весь в этом — честный и благородный, но нерешительный и перегоревший душой в своей роковой страсти. Мария Николаевна все-таки развелась с мужем, но Тургенева уже рядом не было, а когда они снова встретились, то что-то все же оказалось упущенным... Но в конце жизни, уже став монахиней, Мария, глядя на фотографию Тургенева, обронила, что он был однолюб и любил только одну Полину, а если бы не это — то мы были бы счастливы. А Толстой, человек решительный и дерзкий, никогда не понимал этой стороны души Тургенева. Возможно, он вдруг увидел в Тургеневе Вронского, увлекшего Кити и вероломно променявшего ее на Каренину. У которой такие же блестящие черные глаза, как у Виардо...

Однако после участия Полины Виардо в дочери Тургенева их уже соединяли «залогги, которые уничтожают всякий материальный расчет», о чем в сердцах сказала Виардо после смерти писателя, когда кто-то упрекал ее в меркантильности их отношений.

Что чувствовал Тургенев, обретя долгожданную близость с Полиной? Не то ли чувство он описывает в своих романах: «Появилось какое-то небывалое ощущение, сильное, сладкое — и недоброе... он не стыдился боле, он трусил — и в то же время отчаянная отвага в нем загоралась; взятым, побежденным знакома эта смесь противоположенных чувств; не безызвестна она и вору после первой кражи».

Но можно было ли жить по-другому, любя замужнюю женщину? И какой ответ он мог получить от нее? Не тот ли, что дала героиня его романа «Дым», одного из поздних его романов: «О, мой милый! Ах, я не могла отдать тебе мою молодость, как бы я хотела, но никаких обязанностей я не наложила на тебя, ни от какого обещания я не разрешила тебя... делай, что хочешь, ты свободен как воздух, ты ничем не связан, знай это, знай!.. Будем свободны! К чему эти взаимные цепи? Мы теперь одни с тобою, ты меня любишь; я люблю тебя; неужели нам только и дела, что выпытывать друг у друга наши мнения?.. Будем свободны, говорю я. День наш — век наш».

Вот она разгадка их отношений: свобода и любовь, любовь без обязательств и «кухонного чада», который так презирал Тургенев.

«Сколько раз мне казалось, что я до безумия влюблен в женщину, но вдруг от ее платья пахнет кухонным чадом — и вся иллюзия пропала...» То же самое говорила Виардо своим ученицам — это было ее женское и творческое кредо: «Никто, никогда не должен видеть вашей кухни. Даже самых близких друзей не пускайте за кулисы театра своей жизни».

Разумеется, речь шла не только о кухне в прямом значении. Это изнанка семейной жизни, когда у супругов нет тайн, когда возникает та простота отношений, что хуже воровства — ибо ворует влечение.

Свободная любовь

Жизнь Тургенева переменялась — он живет на две страны. А потом и на три (еще и Германия, где в Бадене одно время жила семья Виардо). Иногда в России Тургенев застревает надолго: встречи с литераторами и издателями, дружеские и писательские обязательства, разбор имущественных дел после смерти матушки (отношения в последние годы так испортились, что Иван «случайно» опоздал проститься с ней и похоронить, словно подсознательно отомстил за отца). К слову сказать, у Ивана Сергеевича была фобия к похоронам. Он почти никогда на них не присутствовал, даже похороны близких друзей пропускал. Он вообще был очень мнителен: боялся заразиться холерой, сойти с ума, а любая смерть его вообще страшила своей мистической необъяснимостью. И только рядом с Полиной успокаивался. Ее «свободная грация и приветливая любезность образованной женщины» его умиротворяли. Но были между ними и бури, и раздражения, и даже резкие слова о ее «безобразии» и тирании. Но это имело свои причины.

У Полины было четверо детей. Старшая дочь Луиза родилась сразу после замужества. Остальные дети появились спустя 11 лет. Дочки Клавдия, Марианна и сын Поль. Их отцами (опять же — сплетни, сплетни...) называли композитора Шарля Гуно, художника Ари Шефера, даже одного принца и известного дирижера... и самого Тургенева. Прямых доказательств этому нет, а Тургенев страдал и злился, догадываясь о романах Полины. И все же он одинаково любил всех ее детей, потому что дети любимой женщины — это часть ее самой. И настоящая благородная любовь мужчины, лишенная эгоизма, не мыслит по-другому. Но еще и потому, что все-таки верил, что кто-то из детей — его. Тем более что и Марианна, и Клоди были ему по-человечески близки, даже более близки, чем его родная дочь. Они любили и его собак, и книги, и музыку...

Разозлившись на Полину, Тургенев тоже мог влюбиться. Но в благородных женщин он влюблялся платонически, и обычно между ними завязывался бурный эпистолярный роман. Это и Юлия Вревская, и украинская писательница Мария Маркович (писавшая под псевдонимом Марко Вовчок), и актриса Мария Савина. Последняя даже жила у него в Спасском и всюю с ним флиртовала, хотя была невестой другого. Но и физически Тургенев не хранил монашеской верности Виардо: чего стоила его авантюра с крепостной девушкой Фетиской, которую он выкупил за баснословные деньги. Насладившись красавицей, он быстро разочаровался: говорить им было не о чем, к тому же характер у девушки оказался скандальный. Как правило, бывшие барские наложницы получали вольную, хорошее приданое и покладистого мужа. Фетиска не стала исключением.

Чем старше Тургенев становился, тем сильнее хотелось ему очутиться в семейном гнезде. Впрочем, теоретически об этом мечтает каждый холостяк, ничего для этого не делая. «Судьба не послала мне собственного моего семейства, и я прикрепился, вошел в состав чуждой семьи, и случайно выпало, что это семья французская. С давних пор моя жизнь переплелась с жизнью этой семьи. Там на меня смотрят не как на литератора, а как на человека, и среди ее мне спокойно и тепло». Сначала Тургенев снимает квартиру в Париже, где до замужества с ним живет его дочь. Туда, на улицу Дуэ, каждый день приходила «Виардо, с которой Тургенев читал по утрам по-русски». Но потом они решили жить в одном доме и купили большой особняк, в котором Тургенев занимал целый этаж.

Дочь Луи и Полины Луиза Виардо-Герритт заметила по этому поводу: «Злословию самому по себе не удавалось нарушить гармонию этих отношений, и оно должно было ступешаться перед снисходительным и гордым презрением, с каким оно прини-

малось». Но нельзя считать, что жизнь этой легендарной пары строилась только на высокой романтической ноте. Они любили шутки, смех, это были люди карнавала! Полина после сорока лет, к своему ужасу, стала терять голос. Она переключилась на композиторство. Писала романсы на стихи русских поэтов, которые подбирал для нее Тургенев. Композитор Лист оркестровал их. При всем уважении к певице (а возможно, и давнишнему их роману) великий маэстро не стал бы возиться с бездарными опусами. Тургенев сочинял либретто оперетт на сказочные сюжеты, Полина писала музыку и играла на спектаклях. Сольные номера исполняли ее ученицы, а характерные мужские — сам Тургенев. Это вызывало удивление публики. На фоне весельчака Тургенева другие писатели-корифеи французской литературы смотрелись уныло. Но Флобер оценил яркую индивидуальность русского писателя — они стали близкими друзьями. «Я провел вчера прекрасный день с Тургеневым...Какой слушатель! и какой критик! Он поразил меня глубиной и четкостью своего суждения. Ничто не ускользает от его внимания, к концу поэмы в сотню стихов он помнит слабый эпитет...»

Скоро возник «Обед пяти»: Тургенев, Флобер, Золя, Доде и Э. Гонкур стали регулярно обедать, беседуя о судьбах мира и искусства. Можно с уверенностью сказать, что Тургенев подарил России Францию, а России открыл новую французскую литературу. Его вклад в сближение двух культур огромен.

Русские поклонники Тургенева сетовали, что Виардо отняла Тургенева у России. Вообще-то первой эту мысль высказала Наталия Тучкова-Огарева, ставшая потом женой Герцена. Девушка непростая, чья личная жизнь тоже вызывает много вопросов и сомнений, она все же умудрилась бросить свой камешек в сторону Тургенева. Но было ли дело в одной Виардо? Все меньше и меньше оставалось у Тургенева близких людей в России, но он никогда не считал себя изгнанником, покинувшим родину. Хотя ему всегда претило отношение многих современников к России как некой мессианской державе со «своим путем». Он заметил, что в речи к открытию памятника Пушкину Достоевский льстит русскому человеку, называя его каким-то особым и богоносным. Тургенев был убежден, что Россия — великая европейская держава и такой должна оставаться, не скатываясь в средневековье и мракобесие. Тургенев много помогал своим соотечественникам за рубежом и, особенно, русским литераторам. По свидетельству его друга и биографа П. Анненкова, «кошелек Тургенева был открыт для всех, кто прибегал к нему. Пересчитать людей, материально ему обязанных, почти и невозможно за их многочисленностью. Денежное пособие было, однако же, низшим видом его благотворительности: он являлся с услугой. Когда нужно было поднять дух пациента, разбудить его волю, внушить доверенность к себе... Вообще говоря, нравственная доблесть его превышала все его недостатки. И требовалось много усилий и громадное количество литературных и жизненных неприличий, чтобы из такого человека сделать себе врага и недоброжелателя...»

Тургеневу принадлежит идея создать Литературный фонд для помощи литераторам, а также библиотеку. Что же касается его литературного творчества, то оно было высоко оценено его современниками. Его «Записки охотника» произвели нравственный переворот в сердце молодого наследника русского престола, будущего Александра II и побудили его отменить крепостное право. Образ «тургеневской девушки», чистой и решительной, прочно вошел в обиход русской жизни. Его романам рукопискала Россия 70-х годов — и по сей день тургеневские образы волнуют режиссеров кино и театра. Но все свои произведения он всегда читал Полине Виардо, а его последние рассказы она собственноручно записывала, когда он, мучаясь от смертельной болезни, не мог писать. Тургенев умирал от болезни, которую и сейчас трудно распознать и потому невозможно вылечить, — от рака спинного мозга. В самые тяжелые моменты рядом с ним были Полина и ее дочери. Когда Тургенева не стало, нача-

лись склоки и упреки его окружению. Каждый считал долгом отметить небрежность Полины Виардо в организации похорон, забывая, что она сама перенесла тяжелую потерю. Но отпевание было достойным, тело писателя отправлено на родину, а Полине, оставшись одной, надо было думать о будущем. Тургенев оставил ей права на свои издания. Она их тотчас продала, возможно, решив, что позже их никто не купит. Потом спохватилась. Начала распродавать его архив, спорила, торговалась. Боязнь нищеты охватила ее, как в детстве страх перед разбойниками. Но гордость все равно осталась, и она достойно ответила всем, пресекая сплетни: «Какое право имеют так называемые друзья Тургенева клеймить меня и его в наших отношениях. Все люди от рождения свободны, и все их действия, не приносящие вреда обществу, не подвержены ничьему суду! Чувства и действия мои и его были основаны на законах, нами принятых, непонятных для толпы, да и для многих лиц, считающих себя умными и честными. Сорок два года я прожила с избранником моего сердца. Вредя разве себе, но никому другому. Но мы слишком хорошо понимали друг друга, чтобы заботиться о вреде и что о нас говорят, ибо обоюдное наше положение было признано законным теми, кто нас знал и ценил. Если русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет, а разве возвышает». Дочь Тургенева Полина осталась без наследства. Правда, Тургенев в свое время дал ей прекрасное и богатое приданое, а когда она разошлась с мужем, содержал ее. Но он так и не удочерил ее официально, суд с Полиной она проиграла. Сама Полина пережила Тургенева на 27 лет... Русские имения Тургеневых достались родственникам жены старшего брата Николая и дальним родственникам по линии отца. Но после революции и это стало уже несущественным.

Когда Иван Тургенев умер, в английском еженедельнике «Saturday Review» написали: «В европейской литературе образовалась огромная брешь, которую уже ничто не закроет...» Без Тургенева нет русской литературы. Полина Виардо знала это, ценила и могла по праву гордиться, что внесла и свою лепту в формирование этой планетарной личности.

Мы можем гадать о сущности отношений Тургенева и Виардо, приводя свои доводы и догадки. Но если вдуматься — а важно ли это сейчас для нас? Ведь самое важное то, что он когда-то написал о ней: «Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности!» Хотя именно Иван Тургенев сделал Полину Виардо участницей своего бессмертия. А не было бы его, кто бы о ней вспомнил? Ведь голоса ее мы уже никогда не услышим...